

ТАТЬЯНА ВАН

Цикл
«РАСКОЛОТАЯ ДУША»

Книга 1

КАРТИНА СМЕРТИ

ПОЛЫНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Татьяна Юрьевна Ван
Расколота душа. Книга
1. Картина смерти
Серия «Расколота душа», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72246007

Татьяна Ван. Расколота душа. Кн. 1. Картина смерти: Польша;

Москва; 2025

ISBN 978-5-907962-41-5

Аннотация

Искусство может убить, извратить и забрать твою душу. Женя Кац знает об этом не понаслышке.

Она приезжает в Санкт-Петербург ради мечты – поступить в Академию художеств, а также чтобы помириться со старшей сестрой Кирой. Только вот та сильно изменилась: стала апатичной, злой, зато в ней проснулся художественный талант.

Женя пока не знает, что произошло с сестрой. Но в доме Киры ей постоянно снятся кошмары про человека в черном с раздвоенными зрачками. Именно он изображен на картине «Дьявольские глаза», купленной старшей сестрой на рынке.

Ходят слухи, что это полотно проклято и подчиняет себе волю человека. Так ли это на самом деле? Кем был его создатель? И что более ценно: спокойная жизнь или талант?

Содержание

Пролог	5
Часть I	16
Глава первая	16
1	16
2	24
3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Татьяна Ван

Расколота душа

Книга 1

Картина смерти

© Татьяна Ван, текст, 2025

© ООО «ИД „Теория невероятности“», 2025

В творческих кругах я больше не называю своего настоящего имени. Как и не подписываю им картины. Для всех я Скарабей. Я ношу псевдоним британского художника-сюрреалиста, который жил в начале двадцатого века. И делаю это не потому, что хочу, а потому, что не могу иначе. Сто лет назад кто-то украл его личность, а сейчас – похитил мою.

*Ты засыпаешь, чтобы пробудиться;
ты умираешь, чтобы возродиться.
Тексты пирамид, изречение 1975 В*

Пролог

Лондон, 1930 г.

Когда юный художник взялся за свою последнюю картину, ему оставалось жить несколько дней. И он это знал. Не знал лишь того, что будущий шедевр станет клеткой для частицы его души. Для осколка, насквозь пропитанного злом и обидой.

Кем был художник – мужчиной или женщиной? Это оставалось загадкой. Его тело с головой утопало в лохмотьях и сумраке мастерской. Только тонкие, изящные и на вид мягкие руки говорили о том, что они не могли принадлежать старику или старухе. Художнику было не больше двадцати.

Он писал в крошечной комнатухе на чердаке, одновременно служившей спальней, кухней и мастерской.

Дрожащие пальцы с трудом сжимали древнюю кисть, изрезанную египетскими письменами. Художник макнул инструмент в черную краску, а после коснулся холста – он нарисовал первую линию будущего шедевра. Дугообразную, плавную, точную, как порез от остро заточенного кинжала.

Из маленького круглого окна, расположенного под потолком, в сырую комнату пробивался лунный свет. Он освещал

щал разрисованные деревянные стены и потертый ковер, изуродованный засохшими пятнами краски и каплями свежей крови. На ковре стоял широкий табурет; на нем – палитра, граненый стакан с мутной водой, керосиновая лампа и некогда белое полотенце, которое сейчас было запачкано разными цветами.

Темное помещение пропитал кислый смрад смешавшихся запахов красок, растворителя, пота, человеческих испражнений и гниющего тела.

В тесной комнате, кроме художника, был кто-то еще. Кто-то, кто уже не дышал.

Тревожное безмолвие нарушали только тяжелые, прерывистые хрипы – художник работал до изнеможения, – а также едва уловимый шорох. Это ворсинки кисти касались холста, будто щекоча его. Неровная поверхность бумаги напоминала мурашки.

Пока художник рисовал, его душа разрывалась от боли и обиды, а сердце наполняла горечь. Человека одолевал гнев, злость высасывала из внутренних органов жизнь, горло будто опоясала невидимая проволока, пропитанная ядом. С каждым новым штрихом кисти ярость все сильнее впивалась в юную кожу, скрытую под лохмотьями.

Штрих. Еще один. Художник рисовал по две радужки и по два зрачка в каждом глазу. Люди говорили, что это «дьявольские очи»¹, а те, кто ими обладает, обладает и невероят-

¹ Аномалия, которая зарегистрирована в некоторых письменных источниках,

ной злой силой.

Художника привлекали ненормальность, сюрреализм, дуализм: глаза принадлежали не мужчине, не женщине, а одновременно двум полам. Левое око было мужским, правое – женским. Над левым нависло тяжелое веко, правое казалось легче воздуха. С одной стороны прорисовывались грубые черты, с другой – мягкие.

Творец создавал то, что не мог облечь в слова и произнести. Казалось, рисуя, он исповедовался и раскаивался в своих грехах и запретных желаниях.

Рука художника дрожала. Невидимая проволока все сильнее стискивала шею живописца, а кровь пульсировала так, словно намеревалась разорвать не только кожу, но и сосуды. Рисунок становился рваным, эмоциональным. Человек писал его в предсмертной агонии.

Багровое пламя в лампе запрыгало и на краткий миг озаарило мраморно-бледную руку рисовавшего. Почерневшие вены омерзительно вздулись. Набухшие линии напоминали змей, ползущих к холсту. И пальцы... стало отчетливо видно, что они испачканы чем-то багровым. Сначала могло показаться, что это краска. Но нет – засохшая кровь.

Художник заключал в картину все плохое, что пережил: все зло, что касалось его сердца, всю боль, что ему пришлось

но не подтверждена документально; самые известные люди с подобной аномалией – китайский министр Лю Чун, живший в X в. до н. э., и Генри Хоун, житель Кентукки нач. XX в.

испытать. А еще – частичку себя. Из кисточки на холст переходила черная энергия, ранее пульсировавшая в венах. Легкая, словно дымок, поднимающийся от костра, она впитывалась в картину и придавала ей невероятный магнетизм.

Нарисованные глаза становились проводниками в потусторонний мир. Но художник не замечал магии – так сильно его поглотило творчество.

Прошло не менее пяти кропотливых дней, прежде чем картина была закончена и художник с трудом накарябал в правом нижнем углу: «Скарабей». Но, завершив работу, мастер не отложил египетскую кисть и не убрал краски.

Несмотря на свое тяжелое и рваное дыхание, несмотря на смрад, что витал на чердаке, поглощенный ненавистью, художник сильнее сжал кисть. Он вдавил ворс в черную краску, поднял руку над законченной работой и разделил правую и левую части лица египетским символом *анх*. Он словно поставил на картине печать: ровно посередине нарисовал магический крест, символизирующий бессмертие. Над бровями появилась горизонтальная черная линия, меж глаз пролегла вертикальная, с петлей на конце. Т-образная фигура, увенчанная сверху кольцом:

Умиравший человек по незнанию связался с древней магией, не до конца понимая, что натворил.

Он запер внутри картины все плохое в надежде, что теперь уйдет со спокойной душой, – живопись была для него

исповедью.

Если бы он только знал, что создал зло, если бы знал, что отколол часть собственной души. Не мыслил художник и о том, что если одной половине его сущности суждено было отойти в мир иной вместе с телом, то второй предстояло скитаться по *этому* миру, принося людям боль и страдания.

Половина души Скарабея навсегда осталась в «Дьявольских глазах». Но это была лишь часть картины...

Санкт-Петербург, 2020 г.

В начале блошиного рынка Уделка, среди советских предметов быта, фотоаппаратов и потрепанных книг, стоял мольберт с треснувшей ножкой. С него на покупателей взирали угольно-черные глаза: один принадлежал мужчине, другой – женщине.

В каждом глазу было по две радужки и по два зрачка. Они прилегали друг к другу, как сиамские близнецы.

Погода в то зимнее утро была мрачной, как и сама картина. Туман оседал на земле плотным саваном, из чуть приоткрытых губ торговцев выходил пар. Мужчины и женщины переминались с ноги на ногу, кутались в шарфы и не первой свежести телогрейки. И только молодой человек с глубоким бледным шрамом на правой щеке – продавец сюрреалистической картины – стоял спокойно. Он даже не переживал, что полотно может не выдержать влажности и пойти жутки-

ми буграми: мужчина никак не крутился вокруг мольберта, не проверял через каждые две минуты, в каком состоянии находится шедевр. Ему было все равно. И это «все равно» читалось в его глазах, которые ничего не выражали. В них обитала пустота.

В остальном мужчину почти ничего не выделяло из толпы. Он, как и все торговцы на рынке, был одет в непримечательные вещи: свитер, кожаную коричневую куртку, черные брюки с невыглаженными стрелками. Таких в округе было полно. Торговцы любили ностальгировать по прошлому.

Однако к человеку со шрамом не подходили. И дело было не в мерзкой отметине на его щеке – сам товар отталкивал обывателей.

Нарисованные глаза овладевали вниманием каждого, кто проходил мимо. Но ни один из потенциальных покупателей – даже любитель искусства – не решался забрать холст с собой. Пронзительные и глубокие глаза взирали на мир исподлобья, пугая всех, кто смел подойти к ним ближе, чем на метр. Они казались живыми, пусть и были нарисованы.

Картина напоминала отдельный организм, который чувствует, думает, мерзнет, когда холодно, и мучится от жары, когда термометр показывает плюс двадцать девять. Не торговец продавал картину, а картина искала себе очередного хозяина. Или жертву. Никто ведь не знал, отчего мужчина в коричневой кожаной куртке такой несчастный. Такой... *бездушный*.

Картина ждала особенного покупателя. И она чувствовала – он уже рядом.

– Да это же дьявольские глаза, – брезгливо сплюнула старушка, проходившая мимо. Одной рукой она опиралась на трость, другой – держала пакет с шалью и детскими игрушками. Будь у нее третья рука, женщина обязательно бы перекрестилась. – Что вы продаете! Постыдились бы!

Мужчина ничего не отвечал на подобные комментарии. Он даже не удостоивал вниманием проходящих зевак. Он, как и картина, ждал...

Кроме глаз, людей отпугивал и символ, разделивший холст. Египетский знак бессмертия – две линии, вертикальная и горизонтальная, сложенные в форме креста. Вертикальная линия заканчивалась петлей. Египетский символ заключал в себе древнюю магическую силу, из-за которой людям казалось, что на них с холста взирали из самых глубин ада полчища грешников. Знак вечной жизни вызывал тошноту и мелкую дрожь, хотя жители Египта наделяли его исключительно положительными смыслами. Однако казалось, что *этот* символ принадлежит прародителю тьмы.

Один из посетителей блошиного рынка едва ли не в ужасе бросился бежать от мистического холста. Он пришел сюда, чтобы купить несколько фарфоровых статуэток, но так и не дошел до них. Мужчина поспешил покинуть торговый ряд, лишь бы не находиться в обществе «дьявольской» картины. Даже мысль о том, что она где-то рядом, зарождала внутри

панику и страх.

Но когда под сильным впечатлением от увиденного мужчина вышел с рынка, надеясь, что миновала самая страшная опасность сегодняшнего дня, его чуть не сбила машина. Визг шин и громкий крик идущей рядом женщины заставили мужчину остановиться ровно за секунду до столкновения с авто.

– Дьявол, – пробормотал мужчина, даже не обращая внимания на крики водителя, который высунул голову из окна и рьяно бранился.

Мужчина набрал в легкие как можно больше сырого воздуха и побрел домой, не в силах избавиться от неприятных ощущений минувшего утра. К счастью для него, на этом его напасти закончились. Но он даже не представлял, как близко был к полному краху своей судьбы. Если бы картина захотела, чтобы ее купил именно он, горе навсегда стало бы его близким другом и соратником.

– Думаешь, одна из них? – вдруг прокричал торговец, глядя на бредущих вдаль двух девушек. Обеим было лет по двадцать пять. Первая – брюнетка с волосами до плеч и азиатскими чертами лица, вторая – со светло-каштановыми локонами, доходящими ей до поясницы. Они блуждали меж рядов, явно в поисках интересных вещиц. – Вторая? Хорошо.

Мужчина пригляделся к девушкам. Русая, будто почувствовав что-то, оглянулась и всмотрелась в необычные нари-

сованные глаза.

– Я не уверен, что это она, – сказал мужчина в никуда и нахмурился.

Девушка, будто приняв самое важное решение в жизни, быстрым шагом направлялась прямо к нему.

– Я хочу купить ее. Сколько стоит?

Торговец тяжело вздохнул. Он уже не сомневался, что картина ошиблась, но противиться ее решению не мог. Холст нашел нового хозяина. А точнее – новую *жертву*.

– Как вас зовут? – задал встречный вопрос мужчина.

– Зачем вам знать мое имя? – насторожилась девушка.

– Я должен оформить покупку. Мне надо знать, кому передаю шедевр живописи двадцатого века. Вы знаете, что это работа Скарабея, одного из первых, кто начал творить в жанре сюрреализма?

– Если этим вы хотите сказать, что картина дорогая, тогда я ее не куплю, – не с сожалением, а с вызовом произнесла девушка.

Торговец приподнял брови – такого он раньше не слышал. Обычно после маленького экскурса те немногие, кто интересовался шедевром, мрачнели. Они считали, что картина стоит дорого, несмотря на то что продавали ее не в галерее, а на барахолке. А тут – девушка произносила одно, а подразумевала совсем другое. В ее голосе звучал приказ: «Вы продадите картину на моих условиях!»

– Цена работы – шестьсот рублей. Так как вас зовут?

– Всего шестьсот рублей? Серьезно? Вы не шутите? Шестьсот рублей? Не шесть тысяч? Не шестьдесят? *Шестьсот* рублей?

– Я похож на шутника? – спустя некоторое время серьезно спросил торговец.

– Ладно. Мое имя – Кира Кац. – Девушка самоуверенно вздернула подбородок, а ее губ коснулась ухмылка. – Но почему так дешево? Получается, вы торгуете подделками?

– Отнюдь. Это оригинал. Но я считаю, что искусство должно быть доступно всем и каждому. Не важно – банкир ты или сотрудник рекламного агентства.

Кира скривилась. Ее удивила и напугала фраза торговца. Про себя она назвала ее подозрительной случайностью, ведь он знал то, чего не знала даже ее семья.

– Когда нарисовали эту картину и как зовут художника? – поборов смущение, спросила девушка.

– Она появилась на свет в тысяча девятьсот тридцатом году. Ее автор – художник, который пользовался псевдонимом Скарабей.

– Откуда он? Не слышала о таком.

– Великобритания.

– Ничего себе... И вы такую красоту продаете за шестьсот рублей? Почему?

– Хочу от нее поскорее избавиться, – ответил торговец, слегка прищурившись.

Кира задумалась.

– Так вы покупаете картину?

– Покупаю.

– Только есть одно условие – в комплекте идет этот старинный мольберт. Ни в коем случае не вешайте картину на стену. Запомните: она всегда должна находиться на мольберте.

– Мольберт входит в стоимость?

– Да.

– Но что будет, если картину снять с мольберта? – удивленно спросила Кира.

– Лучше вам этого не знать.

Мужчина, не обращая внимания на замешательство покупательницы, принялся оформлять именной чек. Когда он протянул его девушке, не смог сдержать улыбку.

– Игра началась, – прошептал продавец, едва девушки отошли от него.

Часть I

Живописцы – ограничимся хотя бы ими, даже мертвые и погребенные, говорят со следующим поколением и с более отдаленными потомками языком своих полотен.

Винсент Ван Гог

Глава первая

1

Санкт-Петербург, 2021 г.

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – механически отчеканил женский голос и следом посоветовал набрать номер позже.

«Меня обманули», – подумала Женя, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Тонкие пальцы с отчаянием сжали смартфон. Она откинула растрепанные светло-каштановые волосы, не обращая внимания на суету людей вокруг – Московский вокзал в

Санкт-Петербурге даже вечером не смолкал ни на минуту. Летний туристический сезон только начался – табло на вокзале показывало одиннадцатое июня.

– Девушка, отойдите! – крикнул молодой мужчина с грубым шрамом на лице и черными волосами, доходившими до мочек ушей, и будто случайно задел лакированными ботинками темно-зеленый чемодан Жени. Незнакомец делал вид, что торопится, мельтешит. Но стоило ему встретиться взглядом с Женей, как он тут же замер. – Не стойте на проходе! Вы тут не одна.

– Да-да, прошу прощения, – пролепетала она, даже не взглянув на мужчину.

Женя приехала в Питер с особой целью.

Кроме чемодана, у нее был с собой рюкзак, на левом плече – сумка с едой, которую не удалось съесть во время почти двадцатishестичасового путешествия из родного Камска² в Питер, а с правого – перемотанный белой тканью большой холст на подрамнике. Дома Жене с вещами помог знакомый, а Северная столица встретила глубоким одиночеством.

Когда-то в детстве бабушка прочила ей переезд в другой город. И сейчас момент из прошлого возник перед ее глазами, как кадры из фильма.

– Женёк, да ты так всю катушку ниток истратишь зазря. Я хочу, чтобы ты залатала дырку в носке, а не пробоину в корабле.

² Камск – вымышленный провинциальный город (*прим. авт.*).

– Ба, мне так больше нравится, – говорила девочка, не переставая разматывать катушку.

– Ну, значит, когда повзрослеешь, уедешь очень далеко от родного дома. Бросишь меня, маму и Киру. – Старая женщина посмеялась, с нежностью глядя на шестилетнюю внучку.

– Нет, я никогда не брошу тебя и Киру. Мы всегда будем вместе.

– А маму?

Женя сделала вид, что не услышала вопроса, и с усердием штопала носок.

Вынырнув из воспоминаний, она повторила:

– Еще раз извиняюсь. – А затем отошла к сувенирному магазину.

Молодой мужчина пристально наблюдал за ней, а спустя пару минут ушел.

Женя тревожилась и не видела, что мешает пассажирам. Все ее мысли поглотила проблема с квартирой. Приехав в Питер, она осталась без жилья и денег. Женщина, которой Женя перевела стопроцентный залог за комнату, не выходила на связь, что означало лишь одно – нужно было срочно искать место ночлега. Из-за этого мир будто схлопнулся: вокруг не было ни людей, ни вещей.

С тревогой Женя посмотрела на часы: 20:57.

«Я не хочу ночевать на вокзале!» – запаниковала она еще сильнее и в очередной раз набрала злополучный номер.

Но до тошноты надоевший голос произнес давно заучен-

ную фразу: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, перезвоните позже».

За полчаса, что Женя пыталась дозвониться, она успела разозлиться, отчаяться, чуть ли не расплакаться, но итог у всего этого был только один – смирение.

Отключив вызов, Женя пару раз глубоко вдохнула и выдохнула. Она упрекала себя за ошибку, но убиваться из-за этого не собиралась. Да, перевела деньги незнакомому человеку, но это произошло из-за ее глупости, а не из-за совета знакомого. Женя была уверена: оплошности, в которых винить стоит лишь себя, переносить гораздо легче, чем те, что мы разделяем с родственниками или друзьями. Безднежность из-за ошибок других ощущаешь в тысячу раз острее.

«Что сделано, то сделано. Горевать незачем. Надо думать, что делать дальше», – решила Женя.

Она прислонилась к холодной вокзальной стене и прикрыла глаза, пытаясь понять, как ей действовать. У нее было два пути: хостел (и незапланированные траты, которые могли обернуться трагедией полного безденежья) или звонок кухне по папиной линии – Кристина Котова вместе с родителями переехала в Питер много лет назад и, наверное, могла выделить скромный угол.

По правде говоря, был еще третий, но сомнительный путь – Женя могла позвонить старшей сестре Кире, которая уже семь лет как жила в Северной столице и училась в Академии

художеств. Но этот вариант был не то чтобы запасным, он был чрезвычайным. Женя и Кира не общались.

Недолго думая, Женя остановилась на втором варианте, хотя стеснять родственников совсем не хотелось.

Несмотря на то что Котовы уже около десяти лет жили в Санкт-Петербурге и владели прибыльным цветочным бизнесом, у Ларисы говор и стиль жизни остались деревенскими – до переезда в Камск женщина жила в почти вымирающем поселении.

Женя собрала волю в кулак, засунула гордость куда подальше и набрала номер Кристины.

Длинные гудки придали Жене сил, ведь она больше всего на свете боялась услышать механический голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». От этого внутри все опоясывала тревога.

Прошла минута. На звонок никто не отвечал. Женя позвонила во второй раз, и ее снова обнадежили длинные гудки.

– Пожалуйста, возьми трубку, – одними губами шептала Женя.

Она продолжала стоять с закрытыми глазами, прислушиваясь к гудкам, к биению собственного сердца и к шуму вокзала. Вокруг толпились туристы из разных регионов России. Несмотря на подступающую к горлу панику, Женя старалась мыслить позитивно, как учил ее Арсений, друг детства и по совместительству тоже художник.

Даже в десять лет, когда она сломала ногу, то тут же с ра-

достью подумала о больничном и нескольких месяцах, проведенных в кровати за творчеством и книгами. Ее не пугали трудности, потому что она знала: жажда жизни сильнее любых страхов и горя.

– Хэй, кто мне звонит! – послышался в трубке радостный голос Кристины. – Ты давно ждешь ответа? Прости, телефон был на беззвучном. Маму раздражает музыка, которая стоит на звонке, и нервирует вибрация. Поэтому, когда она приходит с работы, я все выключаю.

– Привет, не очень долго, все нормально, – вздохнула Женья и, отпрянув от холодной стены, открыла глаза. Надежда легкой теплой волной заструилась вдоль позвоночника. Женья сильнее прижала телефон к одному уху, одновременно прикрыв второе, чтобы лучше слышать кухню. – Но ты будешь смеяться, потому что я кое-куда вляпалась.

– Что случилось? – тон Кристины резко сменился. Она мастерски сочетала в себе беззаботного ребенка и вдумчивого взрослого.

– Я приехала в Питер на месяц, но меня надули с комнатой, которую я хотела снять. Хозяйка взяла стопроцентную плату и не выходит на связь. Я сейчас на Московском вокзале и не знаю, что делать. Вы не против, если я переночую у вас? Завтра утром что-нибудь придумаю и съеду.

– Вот так новости... – растерянно охнула Кристина и замялась с ответом. – Дай мне пять секунд, хорошо? Спрошу у мамы. Ты же знаешь – без ее разрешения в квартире даже

чихнуть нельзя. Я сама тебе перезвоню.

– Конечно, жду.

Отключившись, Женя до крови прикусила губу: перед ее глазами появилась сумма, которую она отдала за комнату. За почти что кладовку, правда в центре и с белой мебелью и светлыми обоями, кое-где разрисованными розовым фломастером, пришлось выложить больше пятнадцати тысяч, которые год откладывала со стипендии. Такая же сумма была у нее на карте – ни больше ни меньше.

«Я ни в коем случае не могу попрощаться с этими деньгами. Завтра надо ехать на квартиру и искать горе-хозяйку или звонить в полицию», – размышляла Женя в ожидании звонка.

И пока она мысленно просила судьбу сжалиться над ней, на экране смартфона высветился номер кухни. Ледяными руками Женя приняла вызов.

– Приезжай, – сказала Кристина изменившимся голосом. Если пару минут назад ее речь была плавной и спокойной, то сейчас девушка подкашливала, чтобы избавиться от хрипоты. Казалось, будто секунду назад она надорвала голосовые связки – причиной этому мог быть только разговор на повышенных тонах. – Ты сообщила Кире о случившемся?

Женя плотнее прижала телефон к уху: диспетчер объявила о прибытии какого-то поезда, и пассажиры, сломя голову и сбивая все на своем пути, на ходу переругиваясь, бросились к перрону. На краю сознания проскользнула мысль о

том, что вокзалы неизменно напоминали Жене облегченную версию Армагеддона.

– Нет, – холодно ответила она, чтобы сразу отсечь все сопутствующие вопросы. Сейчас ей меньше всего хотелось говорить о сестре.

– Она вообще в курсе, что ты в Питере?

– Нет, об этом она *тоже* не знает, – вновь повторила Женя, чувствуя, как начинают пылать щеки. То ли от стыда, то ли от раздражения и общей нервозности.

– Ладно, как приедешь, все расскажешь.

– Напомни, пожалуйста, как до вас доехать. Я уже забыла дорогу, если честно. Все-таки не была у вас с новоселья.

– На такси до...

– А если что-то более дешевое? – не дав договорить кузине, грустно улыбнулась Женя. – Не хочется отдавать за такси целую тысячу.

– Ты и не отдашь тысячу. Максимум рублей триста – мы в центре живем. С «Площади Восстания» до «Чернышевской» – одна станция метро. Тем более ты ведь приехала не с пустыми руками? Удобнее прыгнуть в машину и доехать.

– Я понимаю. – Женя глубоко вздохнула. – И все-таки метро или автобус – около шестидесяти рублей.

– Хорошо. Садись в автобус. Номера нужных маршрутов сейчас скину.

– Ты меня спасаешь.

– Пустяк, – хмыкнула Кристина, но в ее голосе прослежи-

валась грусть, причину которой Женя могла лишь представить.

2

Камск, 2020 г.

Тесная комнатка тонула во мраке ночи. В ней был лишь один источник света, направленный на холст: Женя трудилась над новой картиной, включив настольную лампу.

Летний ветер, проникший через раскрытое настежь окно, смешался с запахами растворителя и красок. Было зябко, но Женя этого не замечала. Она рисовала, не замечая ничего, что происходило вокруг. Ее поглотил собственный внутренний мир.

Масляные краски отдавали острыми ароматами мяты и свободы. Женя нервными мазками создавала на холсте очередной абстрактный портрет, используя только синие оттенки: ультрамарин, бирюзовый, лазурный...

Для каждой новой линии – своя кисточка: тонкая, толстая, с квадратным концом и узким.

Женя рисовала человека, по которому скучала больше всего на свете. Она уже несколько недель писала по памяти его портрет, даже не прикасаясь к многочисленным фотографиям, которые хранила в верхнем шкафчике письмен-

ного стола. Волнистые волосы и глаза были одного цвета – небесно-голубого, брови – синими, а тень на носу отдавала цветом океана.

Лоб покрыла легкая испарина, ровно так же, как и ее шею, спрятанную под густыми длинными волосами.

Женя рисовала мастерски, прекрасно зная и чувствуя, каким будет ее очередной мазок: одна линия, вторая, оторвалась от холста, коснулась синей краски и снова вернулась к картине.

Резкий свет заставил Женю вздрогнуть и вернуться из мира грез. В комнату кто-то вошел и включил потолочный светильник.

«Опять будет мне что-то выговаривать...» – пронеслось в голове.

Женю окружали портреты – холсты находились везде, где только можно. С них взирали люди, написанные в разных техниках: импрессионизм, перетекающий в экспрессионизм, реализм с неожиданными деталями абстракционизма. На глаза попадались и такие работы, где был нарушен цветовой баланс: одна часть писалась в светлых тонах, другая – в темных. Кое-где краска лежала крупными мазками, а где-то – едва заметными. Абстрактные лица глядели со всех поверхностей, будто оценивая каждого, кто входил сюда.

Но больше всего поражали не многочисленные картины, а разрисованные стены и потолок. Они тоже были *холстами*, настоящими шедеврами. Несколько лет назад Женя купила

акриловые краски и разошлась вволю: одна из стен быстро стала водной гладью (синие и голубые волны бушевали, как при шторме), вторая – лесом (деревья покачивались, будто от ветра), третья – огнем (пламя вздымалось ввысь, пытаясь достигнуть соседей сверху), четвертая – всем и сразу (линии всех цветов и оттенков будто сражались за право радовать хозяйку). Потолок же стал небом – темно-серым, предгрозовым (Женя обожала дождь).

– Опять рисуешь сестру? – Женя даже не оглянулась. – Не надоело?

– Нет, – ответила она и, прожигая взглядом холст, сжала губы, опустила руку с кисточкой и замерла.

Послышался шум. Видимо, мать начала прибираться в комнате. Точнее – перекладывать вещи с одного места на другое. На большее она не была способна, ведь наведение порядка занимало катастрофически много времени, которым та не располагала. Раз в неделю она даже приглашала клининг, считая уборку прожиганием жизни.

– Все разбросала, неряха. Почему ты такая неаккуратная? Можно ведь поддерживать хоть какую-то чистоту.

– Не нужно ничего трогать. Оставь как есть!

Женя развернулась и с укором посмотрела на женщину, благодаря которой появилась на свет. Та стояла недалеко от двери и держала Женин свитшот. Мать лишь несколько часов назад приехала из очередной командировки – на ее лице отпечатались усталость вперемешку с нервозностью.

Женя росла в семье карьеристов: мама еще до рождения Киры все сердце и душу отдала журналистике, папа – фотографии; иногда казалось, будто он вообще не знал, что у него есть дочери. Родители оказались на грани развода, когда Кире исполнилось пять лет. Но в тот турбулентный период жизни мама забеременела. Ребенка оставили, посчитав, что он спасет семью. Однако Женя, даже не зная о своем предназначении, с этим не справилась.

Через несколько месяцев после развода, когда Жене было шесть, отец согласился на репортажную съемку, которая стала последней в его жизни. Седьмого августа он поехал в эпицентр грузино-осетинского конфликта, а через пару дней стало известно о его гибели.

Тем временем Кира, старшая сестра, уже стала для маленькой Жени воздухом – не мама, а *она* была рядом, когда та начала делать первые шаги и говорить. После Кира отводила Женю в детский садик и школу.

Женя не обижалась на маму. Когда ничего не испытываешь к человеку, и обиде неоткуда взяться. Обида – следствие внимания и любви. Мама же ничего из этого не транслировала.

– Я не понимаю, как ты живешь в этой... в этой... берлоге! Лучше бы прибралась, а не рисовала Киру в сотый раз. И вообще, ты думала готовиться к творческому испытанию на архитектурный? У тебя скоро начинается самая сложная неделя! В наш строительный универ не так-то легко посту-

пить!

Насупившись, Женя уставилась на холст. Свирепым взглядом рассматривая получившиеся мазки, пытаюсь сдерживать подкатывающие слезы. До безумия неприятная ситуация: когда злишься, и в этот момент увлажняются глаза, к горлу подкатывает истерика... Сразу чувствуешь себя бесхребетным посмешищем.

– Евгения, ты вообще собираешься поступать куда-то или нет? У меня такое ощущение, что ты решила посвятить себя живописи, которая никому не нужна, кроме тебя. Ты чем на жизнь собираешься зарабатывать?

– О, ты помнишь о моей жизни, – пробубнила Женя.

«Но совершенно не помнишь, что я ненавижу, когда ко мне обращаются полным именем», – мысленно продолжила она.

Женя сжала одну из кисточек, но за рисование не принялась. Она не могла заниматься живописью, когда кто-то стоял за спиной. Кто-то, кого звали Дина Кац.

Мать, нервно поправив прямую черную челку, с брезгливостью оглядела комнату, которая служила Жене спальней, мастерской и кухней. Повсюду были разбросаны вещи, художественные принадлежности, чашки с недопитым растворимым кофе и тарелки с крошками. На стены и потолок она уже не обращала внимания – видимо, смирилась. Хотя несколько лет назад, как только увидела, во что Женя превратила свою комнату, кричала несколько дней. Правда, потом уеха-

ла в очередную командировку, а вернувшись, остыла.

– Не нужно разыгрывать спектакль. Я знаю, что ты зашла ко мне только потому, что иначе будешь чувствовать себя отвратительной матерью. Но давай по правде: тебя не волнует моя жизнь, меня – твоя. Пожалуйста, не отвлекай.

– Ты занимаешься ерундой. Хочешь учиться на архитектурном, но продолжаешь делать то, что не принесет тебе ни копейки!

Некоторое время они молчали.

– Я не *хочу* учиться на архитектурном, и ты это прекрасно знаешь. Это *твое* желание. Ты хочешь, чтобы я там оказалась.

– Потому что у тебя для этого есть способности. Не все могут чертить так, как ты!

Женя молчала.

– Хорошо, прекрасно. Тогда ответь мне, на какие средства ты будешь жить? Живопись не принесет тебе того, что подарит проектирование. Мы живем не в Париже, где повсюду ценители искусства, которые способны купить даже самую бездарную картину за бешеные деньги. Мы живем в России. Некоторые здесь тратят по часу в день, чтобы найти в интернете бесплатную электронную версию книги. В этой стране люди с достатком меньше среднего не покупают подписки, если хотят посмотреть фильм или сериал, – тут ищут халяву на пиратских сайтах.

– Ты не права. – Женя скривилась и замотала головой. Ма-

ма почти никогда не давала карманных денег, но Женя умела копить, экономя на школьных обедах, чтобы оплатить подписку в онлайн-библиотеке. – В нашей стране ценят чужой труд! И у нас тоже есть люди, которые покупают картины. Иначе бы вообще никто не рисовал! В Питере очень много таких. Я знаю. Просто ты заранее уверена, что мои картины не будут покупать.

Женя развернулась к матери. Плакать уже не хотелось. Злость тоже испарилась. Эмоции иссякли – будто кто-то открыл кран у бочки и спустил из нее все содержимое. Она глядела на родного человека и ничего не чувствовала. Только вновь задалась вопросом: «Как так получилось, что мать не верит в своего ребенка и его творчество?»

Мать тяжело вздохнула.

– Дорогая, я же не запрещаю тебе рисовать. Делай что хочешь, но в свободное время, а не перед экзаменами. Когда я уезжала в командировку, ты обещала нарисовать светотональный детализированный рисунок пятиэтажки. Меня не было две недели. Ты закончила?

Женя безглаголиво посмотрела на пыльный тубус, который стоял возле рабочего стола. Внутри был чистый ватман.

– Но из-за того, что я буду учиться в *строительном вузе Камска*, у меня не останется времени на живопись. Получается какой-то замкнутый круг, тебе так не кажется?

– Прости, что так мало времени уделяла тебе в детстве. Наверное, твоя агрессия из-за этого, – осторожно сказала

мать, глядя на напряженную Женю, каждый волосок которой был наэлектризован до предела.

– Я бездарна? – спросила Женя, глядя матери в глаза. – Скажи честно. Ты журналистка, обошла все выставки, говорила с именитыми живописцами, портретистами. В конце концов – ты хвалила Киру. А я?.. Я плохо рисую?

Повисла напряженная пауза. Мать молчала, а потом с трудом ответила:

– Я жалею, что хвалила Киру, ведь сейчас она связала свою жизнь с искусством и мало того, что получает копейки, так еще и на двух работах крутится, при этом обучаясь в Академии. Не такую жизнь для нее я планировала. Думала, увлечение красками так и останется увлечением. Я упустила ее. С тобой такого не повторится. Я исправлю свои ошибки.

Женя оцепенела, услышав слова матери. Она произнесла последние две фразы так, будто первый ребенок был черновиком, а чистовик сидел сейчас прямо перед ней. Женя была в глазах матери мягкой и гибкой глиной, в то время как Кира – готовой посудой, которую можно было изменить лишь в одном случае – разбив.

Но не только это вывело Женю из себя. Пусть она не общалась с сестрой и почти не знала, как у той обстоят дела, она искренне восхищалась жизнью, которую вела Кира. Та занималась любимым делом: училась и работала в Академии художеств, а еще преподавала живопись в частной студии. Разве это не то, к чему нужно стремиться? Разве только день-

ги – благо, которое можно получить от жизни? А как же чувство счастья, которое приносит творчество? Материальное не способно коснуться души, считала Женя.

«Только искусство может доставить настоящие удовольствие и наслаждение», – думала она.

Не обращая внимания на оцепенение Жени, мать подошла к абстрактному портрету, который та рисовала, и взяла чистую кисточку. В следующий миг она чуть ли не вплотную приложила ее кончик к одному из мазков, отчего у Жени едва не перестало биться сердце. Но нет, мать остановилась в нескольких миллиметрах от невысохшей краски.

«Словно два локомотива избежали столкновения», – подумала Женя.

– Ты в одном рисунке используешь сразу несколько стилей. Волосы Киры – это явный Ван Гог³. Ты накладываешь один слой краски на другой в безумных количествах, отчего картина в этом месте приобретает выпуклость не за счет постановки, а благодаря лепнине. Она становится тяжелой. При этом само лицо нарисовано в другом стиле и чем-то напоминает нежность и легкость Ренуара. А фон у тебя – чистый Сезанн. Несомненно, все это – импрессионизм и постимпрессионизм. Но такое ощущение, что в одном месте встретились щука, плотва и акула. Они все рыбы, но очень уж отличаются. Вот и у тебя то же самое. Мешанина.

³ На с. 376 находится список упоминаемых в книге художников и краткая справка о них.

Мать оторвала кисточку-указатель от картины и посмотрела на Женю, сжав губы в тонкую линию.

– Ты рисуешь не как *Евгения Кац*. Здесь есть Ван Гог, Ренуар, Сезанн. В других твоих картинах можно увидеть Пикассо и еще десяток художников. Порой ты смешиваешь импрессионизм и экспрессионизм. А если бы владела классической техникой, добавляла и ее. У тебя *нет* собственного голоса. Не обижайся, но я привыкла говорить правду.

– Я ищу свой стиль, – тише, чем собиралась, ответила Женя, глядя теперь на картину глазами матери.

– Дорогая моя, ты занимаешься живописью почти десять лет, даже ходила в художку. Но что мы в итоге получили? Даже намек нет на собственный стиль. И я не думаю, что он появится в будущем. А люди, которые покупают картины у современных художников, ждут оригинальности и авторского взгляда. Им не нужен второй Ван Гог или Дали.

Помолчав минуту, мать оглядела комнату и снова заговорила:

– Ты все усложняешь и постоянно кого-то копируешь. Но зато твои учебные чертежи прекрасны. Четкие линии, объем. Ты можешь стать успешным архитектором. Ты чувствуешь форму дома, но не можешь почувствовать глубину жизни, чтобы отобразить ее на холсте. И в этом нет ничего страшного. Просто в тебе нет таланта к живописи. Вот и все. Ты одарена другими благами. То же самое и я. Как и любой журналист, в молодости мечтала написать книгу. Но я не пи-

сатель. Да, могу складывать слова в предложения, но не в силах наделить текст ничем, кроме фактов и парочки витиеватых предложений. Я не писатель, Евгения. И никогда им не стану. Как и другие мои коллеги, которые и в пятьдесят, и в восемьдесят грезят о собственном опубликованном романе... В жизни важно трезво смотреть на вещи.

Женя выслушала монолог матери и ничего не сказала. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Лишь глаза вновь предательски увлажнились.

– Ты даже не пробовала написать книгу, – все-таки сказала она. – Прежде чем отказываться от мечты, нужно хотя бы попытаться ее исполнить.

Мать резко изменилась в лице. Ее бледные щеки слегка порозовели.

– Готовься к экзаменам, Евгения. Думай о реальном будущем, не стоит постоянно витать в облаках.

Когда мать вышла из комнаты, Женя развернулась к портрету сестры и начала скрупулезно разглядывать его, понимая, что мать абсолютно права. Та не открыла Америку, сказав, что за десять лет учебы у Жени так и не сформировался собственный стиль. Она вечно кому-то подражала. Сначала любимому Ван Гог, потом Ренуару, еще кому-то. Открыв для себя русскую живопись, и вовсе ушла во все тяжкие. В итоге она все дальше и дальше отходила от своего истинного Я.

Мать права: творец должен найти *свой* голос. Иначе вся-

кое творчество бессмысленно и безрезультатно. Женя знала об этом. Как знала и то, что не может понять, как именно хочет рисовать. Поэтому надеялась, что с обретением собственного голоса ей поможет Академия художеств. Сейчас Женя рисовала портрет, чтобы отправить его сестре. Еще в детстве Кира обещала, что поможет с поступлением – представит Женину работу экзаменационной комиссии.⁴

«Ты пришлешь картину, я ее покажу, она всем понравится, и ты приедешь с портфолио сдавать экзамены. Все просто».

Втайне от мамы Женя исполняла именно этот план. Она верила, что Кира не откажет ей в помощи. Пусть сестры почти не общались, но стоило младшей спросить, в сила ли детское обещание, старшая ответила: «В сила».

И вот сейчас, глядя на картину, Женя впервые почувствовала счастье.

– Я снова увижу Киру, – улыбнулась она. – Мы будем вместе рисовать, встречаться в залах Академии. Я буду покупать для нас обеих новые краски и холсты. Как в старые добрые времена.

Женя с надеждой в сердце прикрыла глаза.

В этот момент она вспомнила, как шесть лет назад прощалась с сестрой. То было самое странное лето для Жени. Сестра уехала в Питер поступать и перестала выходить на

⁴ Все, что касается поступления в Академию, – художественное допущение автора.

связь. Почти не звонила, только писала: «Все хорошо, сдаю экзамены. Не отвлекайте». Тогда Женя впервые почувствовала себя брошенной и одинокой. А вскоре стало известно, что Кира поступила.

«Ну вот и все. Я осталась одна!»

Когда Кира вернулась за вещами, счастливой она не выглядела. Скорее наоборот – лицо осунулось, она сильно похудела. Женя подумала, что сестра тоже страдает из-за предстоящей разлуки.

Прощальный ужин, который мать устроила для Киры, напоминал последние минуты перед казнью. А когда на следующий день сестра уехала, Женя угодила в капкан из меланхолических мыслей. Ей казалось, что кто-то перекрыл кислород. Пусть Кира была безэмоциональной ледяной королевой одинокого царства, Женя все равно видела в ней самого дорогого человека. Сначала Кира забирала ее из садика, потом, когда Женя стала первоклассницей, пару месяцев встречала из школы. Она не обнимала, не спрашивала, как прошел день, но была рядом. А быть рядом – это не так уж и мало.

В то лето, когда Женя осталась одна, от тоски ее спасало единственное лекарство – живопись. Но и оно при передозировке могло отравить.

Вынырнув из воспоминаний, Женя открыла глаза и еще раз посмотрела на портрет сестры. Затем отошла от мольберта и, подойдя к письменному столу, взяла смартфон: двадцать пятое июня. До первого экзамена в Академию остава-

лась ровно неделя.

– Я найду свой стиль в живописи. Найду и докажу всем, что талантлива.

Когда она вернулась к мольберту, на нее с холста смотрело нежное лицо Киры. Жене оставалось сделать несколько последних штрихов, и портрет был готов. Спустя несколько дней она отправила его в Питер.

Через месяц Женя узнала, что не прошла творческое испытание в Академию. Ее картина никому не понравилась. Тогда же пришел ответ из архитектурного – Женю приняли на бюджет.

3

Санкт-Петербург, 2021 г.

– Наконец-то! – вместо приветствия воскликнула Кристина, подбегая к Жене, которая выходила из автобуса. Кузина поежилась от холодного ветра, который дул, казалось, со всех сторон, закручивая людей в водовороте.

Кристина стояла в домашнем темно-коричневом костюме, ее длинные волосы спадали на плечи, а бледное лицо было лишено и грамма косметики, отчего она казалась моложе своих двадцати двух лет.

– Помогите, пожалуйста, – тут же попросила Женя, толкая

перед собой чемодан.

– Конечно!

Кристина приняла сумки, и ее лицо вновь озарила светлая улыбка. Пока ветер перебирал волосы, она не моргая наблюдала за Женей, а в глубине глаз плескалось снедающее душу любопытство.

То, что она оказалась в Питере (тем более с картиной под мышкой), само по себе было фантастическим событием. И Женя видела, как Кристину так и подмывало задать тысячу и один вопрос. Но вместо этого та крепко обняла родственницу.

– Ну что, вперед? Мои уже спят. Мы не помешаем. Маму не разбудить пулеметом, а папа, если проснется, ничего не поймет и сразу вырубится, – скорее саму себя, а не Женю успокоила Кристина, и девушки направились в сторону улицы Кирочной.

Семья Котовых жила в четырехкомнатной квартире в историческом здании зеленого цвета, которое в начале двадцатого века стало первым доходным домом Санкт-Петербурга. Когда они подошли к монументальному сооружению на Кирочной, 32, Женя широко улыбнулась и запрокинула голову, чтобы лучше рассмотреть лепнину.

– Никогда не перестану удивляться, в каком прекрасном месте ты живешь. Дворец. Мы проходили в универе архитектуру дореволюционного Питера, и твой дом я изучила досконально. Всегда интереснее читать про то, с чем ты хоть

немного знаком. Легче представить, понять и запомнить.

– Не дворец, а всего лишь дом, – Кристина засмеялась. – Смотри под ноги и не отвлекайся.

– Ты ведь знала, что его построил Павел Сюзор⁵? Он учился в Академии художеств на архитектора.

– Что-то такое слышала. Меня не так сильно занимает Академия, как тебя. Не забывай об этом. Я не приравниваю ее студентов к богам Олимпа. Как и преподавателей.

Женя покачала головой, все еще восхищаясь Питером. В ее родном Камске пусть и стояли исторические дома, все они не трогали душу так, как те, что были в центре Северной столицы.

– Вот в каком городе нужно учиться на архитектора, – вздохнула Женя, проходя под аркой высотой в несколько этажей. – Тут обязательно проснется любовь к этой профессии.

– Студенты-архитекторы с тобой бы поспорили. Уверена, исторические здания их не вдохновляют, ведь они не могут создать нечто подобное. Сейчас в моде совсем другие дома.

Женя будто бы не слышала, что ей говорила кузина. Она, забыв обо всех переживаниях, вдруг по-настоящему ощутила безумную энергию Петербурга, его монументальных зданий, узких дорог и высокого неба над головой. Женя ози-

⁵ Павел Сюзор (1844–1919) – русский архитектор, академик Императорской Академии художеств, мастер эклектики и модерна. Проектировал в Санкт-Петербурге доходные дома, общественные здания, бани и жилье с недорогими квартирами. Возглавил строительство здания компании «Зингер» на Невском проспекте. До наших дней сохранилось более 70 зданий.

ралась по сторонам, вдыхала влажный воздух, смотрела на мчащиеся по непривычно светлому небу стремглав облака и думала о том, как же повезло тем, кто изначально родился в этом будто бы мистическом городе. Ведь, чтобы жить здесь, коренным петербуржцам не нужно никого бросать – ни сестер, ни братьев, ни родителей. Они не расстаются с друзьями, соседями, привычками. Даже переезжая в другую квартиру, можно в любой момент сорваться, поехать к родному человеку, обнять, вдохнуть его аромат, поговорить. А когда переезжаешь в Питер из другого города, чтобы обнять дорогих людей, нужно преодолеть огромное расстояние за бешеные деньги. Поэтому родные всегда вне досягаемости. Они далеко. И это сравнимо со смертельным приговором.

Женя вздохнула, подумав о сестре. Ей вдруг захотелось крепко обнять Киру и сказать, как сильно она скучала по ней. Они редко общались все эти семь лет, а за последний год и вовсе ни разу не созвонились и не списались.

– Когда вы виделись с Кирой последний раз? – спросила Кристина шепотом, чтобы не разбудить родителей. Часы показывали половину одиннадцатого, а в семье Котовых любили задергивать темные шторы уже в десять.

Женя задумалась, наблюдая за кухней: та пыталась без лишнего шума перетащить чемодан из царской парадной в квартиру с драными обоями.

Заминка вышла не из-за того, что ей нужно было вспомнить точное количество лет, месяцев и недель с последней

встречи с сестрой, а для того, чтобы не показаться слишком обеспокоенной этими цифрами. Она и вовсе бы с удовольствием проигнорировала этот вопрос, но отмалчиваться было некрасиво.

– Она приезжала на каникулы в Камск четыре года назад. Больше мы не виделись. Когда я была на вашем новоселье и предложила Кире встретиться, она сказала, что «катастрофически занята» и напишет, как освободится. На это я ответила: «Хорошо». И знаешь, когда сестра прочитала мое «хорошо»? Через три недели. Три недели! Я же вернулась домой через пять дней после его отправки.

– За семь лет вы встречались только один раз? – удивилась Кристина, наконец преодолев порог в квартиру. Она сильно запыхалась, оставила чемодан у голой стены без обоев и приняла у Жени картину. – И это сообщение, которое она посмотрела через три недели... Ответила что-то на него, извинилась?

– Ничего. Открыла, прочитала и ничего не написала. После этого мы почти не общались. Списывались раз в несколько месяцев. Она спрашивала, как у меня дела.

«А еще я просила ее об услуге: молила показать приемной комиссии картину для творческого конкурса. Ее же, Киры, портрет. Я отправила холст по почте. Если бы работу положительно оценили, я бы приехала в Питер сдавать вступительные экзамены. Но картину не приняли: я не прошла даже первый этап испытаний. Академия художеств так и оста-

лась для меня недостижимой далекой звездой», – мысленно продолжила рассказывать сама себе Женя.

Кристина продолжала с чем-то возиться, не включая свет.

Женя прошла в прихожую и неуверенно встала на ковер грязными кедами. Когда глаза привыкли к темноте, она оглядела помещение: стены в штукатурке, потолок сыплется, на полу разводы от побелки. Видимо, кто-то пытался ее смыть, но сделал только хуже.

– Четыре года молчания? Ты сейчас серьезно?! – воскликнула Кристина и с ужасом взглянула на Женю. Удивление было таким неподдельным, что она, видимо, забыла о том, что могла разбудить не только родителей, но и соседей по лестничной клетке.

Женя лишь пожала плечами.

– Четыре года редких сообщений, год – молчания, – уточнила она.

Последнее сообщение от Киры было коротким: «Ты не прошла, извини».

«За что извинять?» – подумала тогда Женя. После она задалась этим вопросом чуть ли не каждый день.

«Извиняются ведь только за то, в чем сами виноваты. Но Кира не член комиссии. Просить прощения у меня как минимум глупо».

Жене если и было за что обижаться на сестру, так это за молчание. Из-за него их жизни вдруг пошли врозь. Появились недопонимание и домыслы. Женя винила себя, сестру,

маму. Думала, что проявляла слишком много любви к Кире, что та устала от нее... и еще много чего думала.

Иногда Женя размышляла о том, что недопонимание и резкая тишина в общении сравнимы с оружием. Они могут разорвать отношения точно так же, как мина – человека.

– М-да, ситуация, – выдохнула Кристина, с нетерпением переминавшаяся с ноги на ногу и ожидавшая продолжения истории.

Женя вновь поправила волосы.

– Кстати, до сих пор помню, как она сидела перед мольбертом, а ты стояла, показывая свои локоны... Она любила их рисовать. Хотя нет, скорее, *обожала*.

Пока кухня говорила, Женя в правой руке сжимала грубую лямку рюкзака. Неприятная матерчатая ткань больно впивалась в нежную кожу, покрасневшую после того, как Женя какое-то время в одиночку тащила тяжелые вещи. Картину тоже хотелось поскорее куда-нибудь пристроить: держать такой негабарит было, мягко говоря, неудобно.

Женины волосы были еще одним признаком любви к сестре. Кира редко стриглась, она отращивала локоны. Чтобы быть ближе к человеку, которым дышит, Женя делала так же.

Пусть сейчас она уже не питала такой болезненной привязанности к сестре, как в детстве, внутри все еще горел огонь. Его, казалось, не потушить. И волосы Жени были тому доказательством.

Даже повзрослев, она неосознанно продолжала копиро-

вать сестру – пристрастиями, внешностью, привычками. Женя, как и Кира, любила осень больше, чем весну, выковыривала из еды лук, терпеть не могла пенку в киселе, цокала языком, когда работала над картиной, трогала волосы, когда волновалась. Порой казалось, что Женя – отражение Киры.

Вообще, Женя не была похожа ни на отца, ни на мать, а Кира пошла как раз в них. Родственники говорили, что в Жене прочно засели гены прадедушки – рыжеволосого широкоплечего мужчины с голубыми глазами. И пусть он был единственным рыжеволосым в семье, именно от него ей достались светло-каштановые волосы, которые на солнце отдавали золотом, и глаза цвета неба. Женя не переставала благодарить за это своего родственника, поскольку рыжий цвет волос, пусть и появлявшийся только в ясный день, приближал ее к любимому художнику – Винсенту Ван Гогу.

– Никогда не забуду, какой счастливой ты выглядела, когда позировала ей, – осторожно продолжала Кристина так, будто каждое ее слово – новый шаг по минному полю. – Ради этого ты даже отказывалась от прогулок со мной и со своими друзьями по художке. Как их звали?.. А! Марсель и Арсений. Да? – Дождавшись, когда Женя кивнет, Кристина опять заговорила: – Хотя в то время Марсель нравился тебе до безумия. Ты готова была целовать все кисточки, которых он касался. Но ради Киры забывала даже о нем... Я говорю это сейчас только потому, что всегда по-белому завидовала тебе. У меня ведь нет ни брата, ни сестры. А мне так хотелось,

чтобы рядом был родной человек. Не мама с папой, а именно тот, кто говорил бы со мной на одном языке или защищал в школе.

– Может, выпьем чай или кофе? – предложила Женя, ничего не ответив кухне. – И где я могу оставить свои вещи? В гостевой?

– Пусть пока будут тут, – сконфуженно сказала Кристина. – Сегодня мы будем спать в моей комнате. Там не очень много места, поэтому...

– Без проблем, – ответила Женя.

Три года назад, когда Женя приезжала в гости к родственникам, тетя Лариса постелила ей в гостевой, заметив, что комната ее дочери совсем не предназначена для совместных ночевок. Поэтому ни в подростковом возрасте, ни в юном Кристине никогда не приходили подруги. Но на самом деле Женя слышала о том, что тетя Лариса не одобряла пижамные вечеринки. Она считала их ребячеством и бесполезной тратой драгоценного времени. Женя догадывалась обо всем, поэтому решила избавить Кристину от объяснений.

– И везде немного грязно... Мама не так давно затеяла ремонт почти во всей квартире. Кухня, коридор, спальня родителей, моя комната, кладовка. Только с гостевой ничего не будут делать. Папа и мама сейчас обосновались там, я вместе с ними. Но раз такое дело, я попросила папу найти матрас. Буду с тобой. Ляжем на полу.

Кристина говорила так же осторожно, но уже более сво-

бодно. При этом Женя заметила, что кухня ковыряла указательным пальцем левой руки фалангу большого.

– Тогда по чашечке кофе? – спросила Кристина и улыбнулась.

– Да, было бы замечательно.

Кристина развернулась в сторону кухни. Женя следовала за ней и не могла видеть, с какой болью та закусил губу. У Кристины не переставал крутиться в голове приказ матери, когда она узнала о нелегком положении «отпрыска этой бессовестной Динки».

– Она, как всегда, вовремя, – нарезаая капусту для закваски, резко сказала мать. Она работала ножом, как станком. Щелк-щелк-щелк. Удары лезвия заглушали звук стиральной машинки, которая грохотала так, будто вообразила себя ракетой-носителем и готовилась вот-вот отправиться в космос. – Вся в свою мать! Здравствуйте, *мы приперлися*. Никакого уважения к другим. Почему она не позвонила Кире, а?! Чего сразу тебе? Нашла безотказную дурочку. Моя квартира – это не ночлежка для бездомных. Мы с отцом вкалываем днями и ночами, переживаем за свой бизнес, покупаем квартиру в центре Питера, а она просто приехала, и давайте, расстилайте ей кровать. Тьфу, некультурщина!

– Мама, она наша родственница! – возмутилась Кристина.

Как и всегда, ей хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать поток нескончаемого недовольства, но в этом случае была безвыходная ситуация: кухня попросила о помощи, и отка-

зять ей было нельзя. Не по-человечески это как-то.

– Она не наша родственница, она дочь этой вертихвостки! Я вообще не уверена, что брат – ее отец. От Дины можно ожидать чего угодно. Запомни, Кристина, ты никогда не создашь хорошую семью, если будешь сутками напролет пропадать на работе и к тому же заглядываться на каждого проходящего мимо мужчину. Я хороший пример для подражания. И семью не забываю, и на работе все прекрасно. Потому что соблюдаю баланс. А Динка... не буду говорить, что она делает с этим *балансом*. Некультурное слово, в общем. Нет его у нее.

Все в семье знали, что мама Кристины люто ненавидела бывшую жену брата, поэтому распространяла злость не только на нее, но и на ее дочь.

Теперь же она винила Дину и ее детей в смерти Алексея.

– Если бы Динка не развалила семью, брат никогда бы не связался в работу на территории военного конфликта. Если бы не эта девка, Алексей был бы жив! – считала мама Кристины.

– М-м, замечательный запах, – сидя на жестком табурете за крохотным кухонным столом, протянула Женя. На конфорке в турке варился кофе. – Обожаю пить кофе перед сном.

Из приоткрытого окна доносились редкие сигналы машин. Все вокруг напоминало о теплом лете: сладкий аромат распустившихся на подоконнике цветов, ласковый воздух,

который, как любимый человек, оставлял поцелуи на открытых плечах.

Прикрыв глаза, Женя наслаждалась моментом, пытаясь не думать, что ей делать дальше. Этим вечером она решила забыть о тревогах и расслабиться в компании кузины.

– Прости, что сидим в тесноте. Мы пока не снимали обои с кухни, но уже унесли наш стол и хорошие стулья. Осталась только эта фанерная доска на ножках и табуреты.

– Все в порядке. Я не привередливая, – улыбнулась Женя, чувствуя, что сильно стесняет родственников. – Но кофе пахнет просто восхитительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.